

Все та же «Голубая шаль»...

На сцене шла развеселая кутерьма. Четыре ловких приказчика подхватывали на руки и качали, словно на качелях, разбитую хозяйскую дочку, приводя своими недозволенными действиями в неописуемый ужас воспитанную в строгих нравах матушку. Сладко посапывал в тарантасе глава торгового дома «Большов и К°», а старший приказчик Лазарь Подхалюзин не без помощи спившегося стряпчего Рисположенского тем временем потихоньку перекачивал в свой карман капитал благодетеля.

Сильно осовремененная, с музыкой, пением и танцами комедия «Банкрот» А. Н. Островского открывала гастроль впервые приехавшего в Москву Ставропольского драматического театра имени М. Ю. Лермонтова.

А на другой сценической площадке в тот же день и час первым классическим произведением татарской драматургии мелодрамой «Голубая шаль» К. Тинчурина Академический театр имени Г. Камала из Казани тоже начинал показ своих спектаклей в столице.

Обычно пора гастролей в Москве началась рано и длилась до начала нового сезона. Но с небывалым расширением наших зарубежных культурных контактов за последние два-три года, с открытием в Москве постоянно действующего Театра дружбы народов малые гастрольные всевозможных отечественных и иностранных коллективов стали явлением круглогодичным, а зрители, кажется, уже пресытились и устали от зрелищ. Теперь москвичи не так охотно идут даже на приезжих знаменитостей.

К сожалению, неполные залы встретили и нынешних первых гастролеров.

Ставропольский театр, впервые поднявший занавес в 1845 году, помнит на своей сцене многих актеров и режиссеров, являю-

щихся гордостью отечественной культуры. И надо было иметь большую смелость, чтобы именно сейчас, при отсутствии в театре главного режиссера, все-таки приехать в Москву с репертуаром из семи названий, среди которых только три не дублировали столичную афишу.

Но уже скоро, где-то на четвертом спектакле зрительный зал ставропольцев стал быстро наполняться, а под конец гастролей иной раз у входа спрашивали лишние билетки. Чем же привлек театр московских зрителей?

Прежде всего своей открытостью и добротой. Когда у театра нет художественного руководителя, бессмысленно спрашивать с него стилевое единство, определенность творческого лица. Ставропольцы на это пока и не претендуют. Их спектакли поставлены разными режиссерами и весьма различны по своему уровню. Но при том театр очень четко выдерживает репертуарную линию, обращаясь к тем проблемам современности, которые наиболее волнуют сегодня наше общество: бездуховность, катастрофическое падение нравственности, неприкаянность молодежи, вещизм, отторгающий детей от родителей. И говорит об этом не только сюжетами современных пьес — «Со-ба-ки!» К. Сергиенко, «Игра в фанты» Н. Коляды (целиком молодежные спектакли), «И был день... (Свалка)» А. Дударева, но и комедией А. Н. Островского, и «Собачьим сердцем» М. Булгакова.

Ведь тот же «Банкрот», поставленный В. Константиновым в духе откровенной, веселой игры в театр в первой своей части (музыкальное оформление Г. Сажиной, балетмейстер Ю. Громов), постепенно обретал черты психологической драмы, а заканчивался настоящей трагедией обманутого и брошенного до-

черью и зятем старого несчастного отца. И образ купца Большова в ярком исполнении В. Фоменко, гротесковый поначалу, в финале взывал к нашему состраданию и сочувствию.

Или такой спектакль, как «Со-ба-ки!..», решенный театром в жанре жесткой рок-драмы, насквозь музыкальный, построенный на резких сменах ритмов, в стремительном темпе, требующий от исполнителей совершенного владения своим телом (режиссер В. Бирюков, композитор И. Свиридов, балетмейстер В. Аршанский, музыкальный руководитель Г. Сажина). На равных с актерами в нем принимает участие и рок-группа «Автор». Но сквозь обрушивающуюся на зал музыкальную лавину в нем от начала и до конца, все усиливаясь, прорывается крик о помощи обездоленных, крик протеста против общества, отбрасывающего на обочину, на свалку ненужные ему живые существа.

Уже в «Банкроте» обратил на себя внимание молодой актер В. Сажин в роли Лазаря Подхалюзина из хитрого, ловкого приспособленца, превращающегося в карикатурное подобие парижского «бон-вивана». В «Со-ба-ках!..» Сажин метущийся, трагически гордый, готовый до последнего вздоха отстаивать свое право быть личностью. А еще он опустошенный, с мертвым взглядом Афганец в «Свалке», сдержанный, корректный Борменталь в «Собачьем сердце».

Актеры. Это вторая, а может быть, и главная притягательная сила Ставропольского театра. Даже в очень средней по режиссуре работе, они берут спектакль на себя и играют так, будто это их первый и последний выход на сцену.

Как со старым знакомым, благодаря его ролям в кино и на телевидении, встретились москвичи с В. Поморцевым, умеющим привнести вместе с нелепо-

стью, фантасмагоричностью своих персонажей ноту тревоги, непредсказуемости в сценическое действие.

Актерами значительных возможностей показали себя Н. Зубкова и М. Михайлов в пьесе Э. Радзинского «Я стою у ресторана», а М. Михайлов еще и в роли Рисположенского в «Банкроте»; С. Колганова — музыкальная, пластичная Липочка в «Банкроте» и несчастная Крошка в «Со-ба-ках!..»; А. Ростов — милый добродушный Шарик и отпетый хам Шариков в спектакле по Булгакову, заносчивый, недобрый Черный в инсценировке повести К. Сергиенко... Перечислять актерские удаchi можно было бы очень долго.

И теперь, когда гастроль уже закончена, с полным правом и без всяких скидок хочется поздравить Ставропольский театр с дебютом в Москве, пожелать, продолжая оставаться верным теме современности, не увлекаться быстрой модой, не сущей на своей поверхности слишком много мутной пены.

Иная ситуация была у Татарского театра имени Г. Камала. Не в первый раз приезжал он в Москву во всеоружии богатой талантами труппы во главе со своим лидером — режиссером Марселем Салимжановым, возглавляющим коллектив более двадцати лет, с обширным репертуаром из семи названий татарских авторов, «Антонием и Клеопатрой» Шекспира и «Плахой» Ч. Айтматова, показанной еще зимой в столице (наша газета писала об этой работе).

По традиции открыв гастроль «Голубой шалью», камаловцы из вечера в вечер словно бы распакивали перед зрителями широкую панораму жизни своего народа — от тяжелых лет далекого прошлого, когда свобода и воля татарской женщины обменивалась на полученный за нее калым («Судьба татарки» Г. Ибрагимо-

ва), через гримасы нэпа («Жених с портфелем» Н. Исанбета) и тяжкую поступь коллективизации («Три аршина земли» А. Гилязова) к сегодняшнему дню с его нравственными проблемами, простыми житейскими радостями и неизбежными трудностями («Старик из деревни Альдермеш» и «Колыбельная» Т. Миннуллина).

И каждый раз невозможно было не удивляться неповторимой непосредственности, искренности, прозрачной чистоте, с которой актеры, особенно старшего поколения — Ш. Биктемиров, Р. Зиганшина, В. Минкина, Р. Шарафеев — плетут тончайшее кружево ролей своих трогательных стариков и старух, то озорных, невзирая на возраст, то доверчивых и незлобивых, а то суровых, непреклонных, бывает и жестоких, деспотичных.

Спектакли как бы вытекали один из другого, продолжая, дополняя друг друга, и зал смеялся, плакал, благодарно аплодировал даже тогда, когда аплодисменты по отношению к герою или развитию событий на сцене бывали совершенно неуместными.

Ни в чем не умаляя заслуг и достоинств театра, его руководителя, все-таки хочется задать вопрос, может быть, скорее даже себе: почему такой прекрасный коллектив, обладающий, казалось бы, громадным творческим потенциалом, на протяжении долгих лет остается примерно на одном уровне, не стремится хотя бы чуточку подняться над самим собой?

Быт, быт, быт... Деревенский, реже городской, реалистическая достоверность происходящего — все это освоено и передается мастерски. Но стоило театру прикоснуться к Шекспиру, и пошла добросовестная декламация текста, одеревенели актеры, холодом повеяло со сцены.

Разумеется, можно только ра-

доваться, что в Казани театр не испытывает затруднений в заполнении зала и люди по двадцать раз приходят на ту же «Голубую шаль». Прекрасно и то, что камаловцы трепетно относятся к своей национальной драматургии, она составляет и, конечно же, должна составлять основу репертуара театра. Но театр и публика — взаимовлияющие величины: спрос рождает предложение, предложенное влияет на формирование вкуса, последующие запросы. В прошлые свои приезды в Москву театр собирал неизменно полные залы. На этот раз в лучшем случае заполнялся один партер. А татарское население Москвы, надо думать, ничуть не уменьшилось, создан центр татарской культуры, в ряде школ будет введено обучение татарскому языку. Очевидно, театру следует сделать прорыв в новые, более современные сферы театральной эстетики. Ведь один, и очень удачный опыт такого рода у него уже есть — «Плаха» по Ч. Айтматову в постановке Д. Сиразеева.

Камаловцев всегда и всюду хвалили. Заслуженно в прошлом. Но не слишком ли громко сейчас? И не пора ли театру, сохраняя все богатство накопленного опыта, сделать решительный шаг навстречу современности? Не в тематике драматургии, она уже есть, а в способах и средствах ее воплощения.

Спектакли двух первых «гостей столицы», как принято было именовать приезжих гастролеров совсем недавно, прошли, надо полагать, не без пользы для обеих сторон. Московским организаторам гастролей надо наконец всерьез задуматься о предварительной рекламе приглашаемых коллективов, заполнении зрительного зала, приезжим — о большей требовательности к себе, более строгом отборе репертуара.

Н. БАЛАШОВА.